

Михаил ШАПОВАЛОВ

В стихотворении «Проплясал, проплакал дождь весенний...» 1917 года сквозь элегические жалобы на судьбу Есенин высказывает уверенность в том, что он будет признан «в томах тяжелых»:

*Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других...*

Названы лучшие поэты России, только два имени. Есенин и Брюсов в творчестве полны. Однако младший поэт знал цену своему предшественнику, и проследить их отношения представляется интересным.

В 1918 году в газете «Голос трудового крестьянства» Есенин опубликовал 107 частушек — дань любви к народному слову (№№ от 19 мая, 29 мая, 2 июня и 8 июня). К этому же времени, по-видимому, следует отнести ряд оригинальных частушек, сочиненных самим Есениным и распеваемых им под гармошку. Одна из них посвящена Брюсову:

*Пляшет Брюсов по Тверской
Не мышом, а крысиной.
Дядя, дядя, я большой,
Скоро буду с лысиной.*

Эту частушку можно было бы считать всего лишь стихотворным хулиганством, если бы в ней не проявился Есенин как читатель. У Брюсова есть стихотворение «Крысолов» (книга «Венок», 1904 — 1905), написанное плясо-вым размером:

*Я на дудочке играю, —
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.*

Есенин совершил выпад против Брюсова, придерживаясь до известной степени правил литературной пародии. Намекая на стихотворение Брюсова (в первых строчках частушки), он обращает прием и тематику его против автора. Другие частушки Есенина были по большей части хвалебного свойства (о Блоке, Кузmine, Городецком) и только о Маяковском частушка носила обвинительный характер («...бездарь...Обокрал Уитмена»).

В том же 1918 году по инициативе Брюсова был создан Всероссийский союз поэтов, членом которого стал и Есенин. В отзыве на книгу «Голубень» (2-е изд., 1920) Брюсов писал: «В «Голубень» основные черты творчества С. Есенина выступают отчетливо. Иное хорошо задумано и смело исполнено. Не вполне оправдано автором изобилие религиозных и церковных образов. Нам лично впечатление

ЕСЕНИН И БРЮСОВ

Лит. Россия. — 1995. — 17 марта. — с. 4.



портят неправильные рифмы и ряд сравнений и метафор, вряд ли жизненных, как «дождь пляшет, сняв порты», «на долину бед спадают шишки слов» и т. под.» («Художественное слово», № 1, 1920).

Отзыв слишком краток. И то, что для Брюсова «не вполне оправдано», для Есенина естественно: религиозная символика его ранних стихов, их «изобилие» обусловлены деревенской жизнью, истоками поэтического мировосприятия. Брюсов же рос в городе и воспитывался в семье атеистической.

Второй период московской жизни Есенина связан, как известно, с имажинизмом. 17 октября 1921 года в Политехническом музее состоялся «Смотр поэтических школ». На «смотре» Есенин выступил как поэт-имажинист. Когда часть слушателей встретила топотом ног и свистом начальные грубые строчки из «Сорокоуста», председательствующий на вечере Брюсов сказал: «Надеюсь, что присутствующие поверят мне, что в деле поэзии я кое-что понимаю. И вот я утверждаю, что данное стихотворение Есенина самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года».

Эта высокая оценка была особенно весома в устах Брюсова, признанного арбитра в вопросах поэзии.

Последнее упоминание имени Есенина Брюсовым находим мы в обзорной статье «Вчера, сегодня и завтра

русской поэзии». Брюсов противопоставляет в ней стихи Владимира Шершеневича и Анатолия Мариенгофа творчеству Есенина: «...он сохранил гораздо больше непосредственности чувства, нежели его сотоварищи; в книгах Есенина («Радуница», 1915 г., «Голубень», 1918 г., «Преображение», 1921 г., «Третьякница», 1921 г., «Исповедь хулигана», 1921 г., «Пугачев», 1921 г., и др.) есть прекрасные стихотворения, напр., те, где он скорбит о гибели деревни, сокрушаемой «железным гостем» (фабрика), и те, где поэт остается чистым лириком настроений; у Есенина четкие образы, певчий стих и легкие, хотя однообразные ритмы: но все эти достоинства противостоят имажинизму, и его влияние было скорее вредным для Есенина» («Печать и революция», № 7, 1922).

Известие о смерти Валерия Брюсова 9 октября 1924 года застало Есенина в Тифлисе. Он мерил шагами номер гостиницы «Ориент» с газетой в руках и взволнованно гонимый грузинскому собрату по перу: «Какой большой труженик поэзии! Настоящий вол! — вол литературы...» В газете «Звезда Востока» (11 октября, 1924) было помещено есенинское стихотворение:

ПАМЯТИ БРЮСОВА

*Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть.
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.
Любили девушек,
Любили женщин мы
И ели хлеб
Из нищенской сумы.
Но не любили мы
Продажных торговцев.*

*Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей!
Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.
Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг, —
Не сетуй, не кляни!
Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы.
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.
Но крепко вцепились
Мы в нищую суму.
Валерий Яковлевич!
Мир праху твоему!*



Стихотворение довольно слабое и невнятное. Как, например, увязать скорбную тематику с призывом: «Планета, милая, — катись, гуляй и пей!» Единственное оправдание — свидетельство Н. Вержбицкого, что писалось стихотворение (как исключение из правила) «в состоянии опьянения».

В то же время Есенин задумал написать о Брюсове статью. Сохранился ее набросок. И то, что не удалось Есенину выразить в стихах на смерть Брюсова, находим мы в его прозаических, точных и одновременно эмоциональных тезисах: «Умер Брюсов. Эта весть больна и тяжела, особенно для поэтов. Все мы учились у него (подчеркнуто мной. — М.Ш.). Все знаем, какую роль он играл в истории развития русского стиха. Большой мастер, крупный поэт, он внес в затхлую жизнь после шестидесятников и девятидесятников струю свежей и новой формы... Много Брюсова ругали, много говорили о том, что он не поэт, а мастер. Глупые слова! Глупые суждения! После смерти Блока это такая утрата, что ее и выразить невозможно... Утрата тяжела еще более потому, что он всегда приветствовал все молодое и свежее в поэзии... Очень грустно, что на таком литературном безрыбьи уходят такие люди».

Нельзя не заметить, читая есенинский текст «О В.Я. Брюсове», мотив личностного отношения к покойному поэту, продиктованный искренним сердцем.